

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ В. ШУКШИНА)

Аннотация: В статье рассматривается своеобразие перевода рассказов В. М. Шукшина на английский язык. Воспринимая текст, принадлежащий чужой культуре, получатель интерпретирует его в образах и понятиях своей культуры, что особенно сложно при перцепции «деревенской» прозы.

В анализируемых примерах компенсаторные возможности английского языка используются недостаточно, и, хотя семантика текста оригинала передана, его коннотативные оттенки не учитываются, что приводит к неадекватности перевода, устанавливаются расхождения на лексическом уровне, которые ведут к утрате авторских коннотаций и смысловым «лакунам».

Ключевые слова: перевод, фонетические изменения, морфемный уровень, лексический уровень, фразеологизмы, синтаксические конструкции, коннотации.

В. М. Шукшин создал свой неподражаемый стиль, объединяющий оригинальный, индивидуальный и живой, естественный в своей простоте язык, который уже много лет привлекает внимание исследователей. Рассказы Шукшина отличаются использованием стилистически маркированной разговорной лексики, они нацелены на приближение к устной речи обычного носителя русского языка, давая читателю возможность «поприсутствовать при их частном разговоре за семейным столом ли, у реки ли, разговоре, который, кстати сказать, чаще всего ни к чему не ведет и обрывается как бы невзначай» [3: 255]. Даже самые короткие рассказы писателя отличаются полистилизмом многообразных речевых средств, позволяющих более полно охарактеризовать действующих персонажей, русский национальный характер, особенности быта определенной социальной среды. Разговорные интонации, доминирующие в текстах Шукшина, усиливают экспрессивный характер произведений писателя на всех уровнях языковой системы: фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, что создает определенные сложности при переводе.

Фонетические изменения, передающие язык сельских жителей, связаны с использованием просторечных форм, диалектов и так называемых «искаженных» слов, первоначальная форма которых удовлетворяла требованиям литературной нормы, но была искажена при механическом усвоении деревенскими жителями.

(«Давай писать Павлу. А телеграмму анулируем. "Let's write Pavel a letter, and we'll cancelate the telegram.»

«Сколько ишо? – How much longer will that take?»

«Что эт вас так шибко в город-то тянет? – What's the mighty attraction of town?»

«Што, они много шибко получают, што ль? – Do they earn such a mighty lot at it then?»

«Дак на кой же шут тогда жилы из себя тянуть столько лет? – Then what's the sense in straining your guts out for so many years?»

«Они вон по скольку зашибают! Да ишо приворовывают: где лесишко кому подкинет, где сена привезет совхозного – деньги. И матери бы помог. У ей вить ишо трое на руках. – Look how much they earn! And then there's what they make on the quiet, delivering wood to someone and state-farm hay to someone else. You'd be a help to your mother then. She's got three others on her hands, you know.»

«А то... ирапланов понаделали – Now they've made all them aeroplanes»

«А ты навернесся с этого сво ираплана – костей не соберут.» – But if you have a crash in one o'them aeroplanes, there's no picking up the pieces afterwards.»

Шукшин воссоздает живую разговорную речь с присущей ей образностью, экспрессией, естественностью посредством фонетических искажений, отличающих от звучания литературного языка.

Текст перевода крайне редко сохраняет авторскую коннотацию. И такие яркие, стилистически маркированные просторечия, как *ШТО, ИШО, ПО СКОЛЬКО, ДАК НА КОЙ ЖЕ ШУТ, ЧО ЭТ* нейтрализуются в нем, полностью утрачивая авторскую экспрессию.

В случаях интерпретации современной лексики, которая была своеобразно усвоена сельскими жителями, переводчик также искажает перевод (сравните *airplanes* вместо *air-planes*, *cancelate* вместо литературного – *cancel*). Но механически измененные слова в переводе становятся неологизмами для англоговорящей публики, они не способны передать разговорную, живую, территориально маркированную речь сельских жителей. Шукшин тонко чувствует процесс изменения повседневного речевого обихода деревни, который вызван социальными и культурными преобразованиями в стране.

В некоторых случаях переводчик компенсирует фонетические средства стилизации: «Ставай, пролятый заклеменный! – Не пролятый, а – проклятьем, – поправил он. – "Arise, ye cursed by the earth! Cursed of the earth, not by... he corrected the old man.»

Эта особенность шукшинской прозы лишь в единичных примерах отражается в переведенных текстах на английский язык.

Морфологические средства выражения характерных особенностей разговорной речи так же частотны. В большей мере В. Шукшин использует суффиксы субъективной оценки.

Например, суффиксы с уменьшительным значением, сопровождающимся ласкательной экспрессией (иногда имеющим оттенок пренебрежительности):

«...новенькие, мягкого хрома сапоги...» – «...and new, soft-leather boots...»

«...счетоводишка ловко обнял девушку...» – «...the bookkeeper expertly put his arms round the girl...»

«...Ты, Марфа, хоть и крупная баба, а бестолковенькая...» – «Marfa, you're a big woman, God knows, but you're about as useless as they come.»

«...надсадишь сердечушко свое и помрешь.» – «... you'll get a heart attack and die.»

«... дождик идет.» – «... rain was falling...»

«Антип молоточком заколачивает в хомут медные гвоздочки.» – « Antip was hammering bronze tacks into a horse-collar.»

«...Маленькие умные глазки его светились озорным блеском.» – « His tiny, clever eyes twinkled with merriment.»

«Ох, Марфа моя, Ох, Марфынька, Укоряешь ты меня за напраслинку!» – «Oh Marfa mine, Marfa darling. There's really no sense scolding!»

Для переводчика подобные суффиксы представляют огромную трудность, потому что в английском языке нет суффиксов, им соответствующих. Однако существуют способы, которые чаще всего используются при передаче значений уменьшительно-ласкательных суффиксов: описательный перевод, транскрипция и транслитерация, собственно английские уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Автору перевода не удастся сохранить морфемные средства стилизации. В переводном тексте они нейтрализуются (новенькие – *new*, бестолковенькая – *useless*, Марфынька – *Marfa darling*). В некоторых случаях автор делает попытку компенсировать морфемный уровень лексическим, используя просторечные выражения (*God knows, they come*). Но суффиксы субъективной оценки применяются в художественном произведении для речевой характеристики персонажей, выражения авторского отношения к описываемой ситуации, для изображения внешнего или внутреннего облика персонажей, в то время как замены переводчика маркируют общую стилистическую окраску текста.

Другой особенностью языка В.М. Шукшина являются усеченные формы именительного падежа личных имен и названий родства, используемые в обращении. Например:

«Во! Серьга... дал! Зачем ей такие?» – "Well, Sergei's done it this time!" the File proclaimed. "What's the good of them to her?"

«- Сергунь! – ласково позвала Клава.» – «Sergei, love!».

«Шурк! – позвала бабка.» – «Shurka! – his grandmother called.»

Приведенные усеченные формы именительного падежа используются как средство стилизации, характеризуют социальный статус коммуникантов, фиксируют фамильярные, непринужденные или даже нежные отношения между участниками диалога.

Английский перевод не способен передать особенности данных звательных форм. Единственным средством компенсации, как и всегда, остается лексика. (Сергунь! – Sergei, love!) Но и данное средство компенсации не всегда используется автором перевода. (Серьга – Sergei; Шурк! – Shurka!).

Наиболее ярко стилистическая маркированность деревенской прозы воплощается в лексике. Лексика в рассказах Шукшина имеет окраску сниженности, она принадлежит к сфере бытового общения и включает в себя такие разновидности, как внелитературное просторечие, «искаженные» слова, диалектизмы, жаргонизмы и бранные слова.

Как отмечают Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, Е. Сидорова, «для просторечной среды характерна и бедность речевых ресурсов, и повышенная экспрессивность при крайней ограниченности средств ее выражения». [2: 16]

Придавая повествованию шуточный тон, способствуя созданию комического эффекта, просторечия служат для выражения чувств героев и их отношения к действительности.

Внелитературное просторечие переплетается с диалектизмами: это способ реалистического отображения действительности.

«Это дешевле станет» – «*it'll be cheaper*»;

«У дочери не клеилась личная жизнь» – «*Her daughter had not been able to stick to one husband*»;

«поезжай, раз зовет» – «*go if you've been invited*»;

«мне на старости лет боязно маленько» – «*I feel a bit frightened at my time of life*»;

«Я сама об вас шибко...» – «*I miss you right bad myself...*»;

«Оно, знамо, можно бы и теперь, но у Шурки шибко короткие каникулы получается...» – «*We could have come now, but Shurka's holiday's only a short one*».

Как видно, богатство языка Шукшина, создающее смысловую «многослойность» его произведений, не всегда позволяет найти адекватные средства в языке перевода. Автор перевода использует стилистически сниженную лексику, близкую к разговорной (*a bit frightened, to stick to one husband, miss you right bad myself, but Shurka's holiday's only a short one*), однако приведенные английские соответствия не имеют того яркого деревенского экспрессивного характера, и поэтому не сохраняют тональность рассказов. В. М. Шукшина. В других случаях переводчик стремится передать семантику текста, но не учитывает его коннотаций (*раз зовет-if you've been invited, мне на старости лет боязно маленько-I feel a bit frightened at my time of life*).

Нередки в прозе Шукшина и жаргонизмы, которые являются принадлежностью социальных и профессиональных групп людей; эти слова имеют характер засекреченности, условности. Кроме того, Шукшин вкладывает в уста своих героев и бранные слова, заключающие в себе указание на такие эмоциональные состояния говорящего, как раздражение, злость, неприязнь к кому-либо. Все это создает определенные сложности при переводе, усугубляющиеся тем, что стилистическая дифференциация языковых средств английского языка не является столь богатой, как в русском языке.

«Ты что, офонарел?» – «*"Are you crackers?"*»;

«Чего базарить-то зря?» – «*and that's all there is to it*»;

«Жалко – у пчелки в попке. Жалко ему!» – «*and that's all there is to it*»;

«Во фраер-то! – изумился Мишка» – «*"What a sharp operator he is!" Mishka thought to himself in amazement.*». Перевод жаргонизмов и бранной лексики рассказов Шукшина крайне неудачный.

Переводчик применяет один и тот же прием для передачи всех особенностей деревенской прозы Шукшина, используя лишь общеразговорную лексику, даже тогда, когда возможности переводного языка позволяют найти эквивалентные выражения. К примеру, «базарить» можно перевести соответствующим словом, помеченным в словарях как слэнг «*make a scene*», «*have a chat*». Или слово «фраер», которое переведено как «хитрец, аферист», однако в английском языке есть более точные эквиваленты данного жаргонизма: «*dude, gull, gudgeon, dupe*».

Кроме просторечных лексем, в рассказах В.М. Шукшина используются просторечные фразеологические единицы:

«Прямо ума не приложу. "Приезжай, – говорит, – мама, шибко я по тебе соскучился"» – «*I just don't know what to do. Really, I don't. Come and see us, he says. We're missing you badly, that*

we are.»; «Нас на почте на смех поднимут» – «They'll laugh at us at the post-office.»;

«Ну, волков бояться – в лес не ходить.» – «if you're afraid of the wolf don't go into the forest.»; прийти в себя» – «coming to his senses.»; «ходил Степан сам не свой» – «Stepan went about in a fine state»

Анализ перевода фразеологических единиц также выявил ряд неточностей. Переводчик использует для передачи фразеологических единиц на английский язык три основных способа: 1) дословный перевод, 2) перевод посредством нейтрального выражения, и, в редких случаях, 3) подбор соответствующего фразеологизма. Устойчивые выражения: «ума не приложу; на смех поднимут», – переводит следующим образом: «не знаю, что делать; будут смеяться над нами». Однако это совершенно неуместно, так как в языке есть подобные устойчивые выражения: «it's beyond me, you'll never know; they'll make a laughing stock of». А фразеологизм «волков бояться – в лес не ходить» и вовсе дословно передан, хотя в английском языке функционирует идентичное по содержанию устойчивое выражение «if you can't stand the heat, get out of the kitchen». Абсолютная некорректность наблюдается и при передаче выражения «сам не свой» – «went about in a fine state» (д. п. ходил в прекрасном состоянии), переводчик, видимо, не до конца определил авторскую интенцию, ведь в английском языке частотны эквивалентные русскому фразеологизму выражения: «not to be one's usual self, to be beside oneself».

Однако следует заметить, что в редких случаях переводчику все же удается подобрать соответствующий, стилистически маркированный и совпадающий по смыслу фразеологизм: «прийти в себя» – «coming to his senses».

Анализ лексических единиц показал, что пестрота и разнообразие языка сельских жителей рассказов Шукшина практически утрачивается при переводе. Однако потеря разговорных, просторечных, жаргонных, фразеологических структур приводит к максимальному отдалению от живой разговорной стихии, которая обладает огромным потенциалом функционально-стилистических возможностей, что полностью противоречит главной идее автора.

Важную роль играют синтаксические особенности разговорного стиля, всецело подчиненные непринужденности и непосредственности речевого общения. В произведениях Шукшина представлено много особенностей разговорного русского синтаксиса. Это, в первую очередь, обилие вопросительных и восклицательных предложений; кроме того, широко используются парцелляция, вопросно-ответные конструкции, инверсия, неполнота грамматического состава предложения:

- Ну-ка дай-ка их посмотреть, – попросил он.

- Чего?

- Сапожки.

- Чего их смотреть? Какой размер нужен?

- Я на глаз прикину. Я не знаю, какой размер.

- Едет покупать, а не знает, какой размер. Их примерять надо, это не тапочки.

- Я вижу, что не тапочки. По цене видно, хэ-хэ...

- Ну и нечего их смотреть.

- А если я их купить хочу?

- Как же купить, когда даже размер не знаете?

- А вам-то что? Я хочу посмотреть.

- Нечего их смотреть. Каждый будет смотреть.

- Ну, вот чего, милая, – обозлился Сергей, – я же не прошу показать мне ваши панталоны, потому что не желаю их видеть, а прошу показать сапожки, которые лежат на прилавке.

- А вы не хамите здесь, не хамите! Налют глаза-то и начинают...

- Чего начинают? Кто начинает? Вы что, поили меня, что так говорите?

"Well, let's have a look at 'em," he said.

"What?"

"Those boots."

"What do you want to look at them for? What size do you need?"

"I don't know the size. I'll guess from the look of 'em."

"Fancy shopping without knowing the size. They have to be tried on, they're not bedroom slippers."

"I can see that from the price."

"So there's no point in looking at them, is there?"

"Suppose I want to buy them?"

"How can you when you don't even know the size?"

"What's that to you? I want to have a look at 'em."

"You're wasting your time. If everyone has a look just for the sake of looking..."

"Now listen here, my dear," Sergei snapped, losing his temper. "I'm not asking you to show me your knickers because I don't want to see them, but I am asking you to show me the boots you have on this counter."

"Don't you be rude in here! You drink yourself stupid, and then off you go..."

"Who's going off where? How do you know what I've had to drink? You haven't bought me any, have you?"

Несмотря на то, что синтаксис русского и английского языка в значительной степени отличаются, перевод синтаксических особенностей разговорного стиля рассказов Шукшина в целом оказался успешным. Автор перевода мастерски передает и компенсирует пестроту русского синтаксиса. В тексте перевода мы часто встречаем разговорные синтаксические структуры ("Well, let's have a look at 'em,»; «So there's no point in looking at them, is there?»; «Now listen here, my dear»), эллиптированные конструкции, что еще больше подчеркивает непринужденность речевых ситуаций при строгом порядке слов английского синтаксиса. («Those boots.»; «Fancy shopping without knowing the size.»), парцелляция ("Now listen here, my dear," Sergei snapped, losing his temper. "I'm not asking you to show me your knickers because I don't want to see them, but I am asking you to show me the boots you have on this counter.»), инверсия (Don't you be rude in here! You drink yourself stupid, and then off you go...).

Стилистическая маркированность синтаксических структур в рассказах Шукшина передана очень точно, более того, в английском языке вышеуказанные синтаксические приемы звучат еще более выразительно по причине строгой закреплённости порядка слов.

Таким образом, анализ оригинальных и переводных текстов позволяет прийти к следующим выводам:

Трудности перевода рассказов В.М. Шукшина на английский язык обусловлены богатством фонетических, словообразовательных и лексических средств, функционирующих в языке писателя: наличием разговорно-просторечной и диалектной лексики, фразеологизмов, разнообразных оценочных суффиксов, фонетических изменений, словообразовательных возможностей: – их использование выступает маркером местной культуры, выражением оттенков шутливости, непринужденности, пренебрежительности, ироничности, грубости.

В работе «Проблема языка» В.М. Шукшин дает очень четкую характеристику особенностей повествовательного стиля своих рассказов: «В свое время меня поразил рассказ. Так умеют рассказывать мудрые старики – неторопко, спокойно, ни о чем не заботясь, кроме как рассказать, как все было. Их можно слушать бесконечно. При чтении такого рассказа всякий раз возникает неотвязное ощущение, что автор где-то рядом с героем <...>. Тут – горячая, живая, чуткая сила слова. Думаю, что никакая другая “система словесного искусства”, кроме как “нагая простота”, не могла бы так “сработать” – до слез» [4: 368].

Большая часть указанных приемов создания «нагой простоты» полностью утрачивается в переводном тексте, зачастую без какой-либо попытки их компенсации в силу языковых, индивидуально-авторских и лингвокультурных особенностей языка произведений. Проза Шукшина предстает перед англоязычным читателем совершенно в ином виде.

Как отмечает Ю.М. Лотман, «художественное произведение, являющееся определенной моделью мира, некоторым сообщением на языке <...> просто не существует вне этого языка» [1: 60].

Balan O. P.

The Specificity of Translation of Stylistically Marked Language from Russian into English (on the material of V. Shukshin's short stories)

Abstract: The article discusses the peculiarity of translating of Shukshin's stories into English. Perceiving the text belonging to a foreign culture, the receiver interprets it in images and concepts of their own culture,

which is especially difficult in the perception of "village" prose.

In the analyzed examples compensatory possibilities of the English language are not used enough, and although the semantics of the original text is reproduced, its connotative shades are not considered, which leads to inadequate translation. The article established differences on the lexical level, which lead to the loss of the author connotation, and the semantic connotations of "lacunae".

Keywords: translation, phonetic changes, the morphemic level, lexical level, idioms, syntax, connotations.

Библиография:

1. Арутюнова, Н. Д., 1998. *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры.
2. Золотова, Г. А.; Онипенко, Н. К.; Сидорова, М. Ю., 1998. *Коммуникативная грамматика русского языка*.
3. Чудаков А.П. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого. М.: Современный писатель, 1992. 317 с.
4. Шукшин В.М. Проблемы языка. Ответы на анкету журнала «Вопросы литературы»// Шукшин В.М. Я пришел дать вам волю. Барнаул. 1991
5. Якимов, П.А. Особенности диалектной картины мира (на материале говоров Оренбургской области) // Мир науки, культуры и образования. – 2012. – № 5(36).
6. Shukshin V. Short stories. М.: Progress, 1990. 359 p.
7. Shukshin V. Stories from a Siberian village. De Kalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 1996.